

Малинкин А.Н.*

**КОНЦЕПЦИЯ ИДЕОЛОГИИ
В «ЧУЖИХ» РАБОТАХ М.М. БАХТИНА®**

Аннотация. В статье рассматривается концепция идеологии в «чужих» работах М.М. Бахтина, т.е. в статьях и книгах, написанных Бахтиным или при его активном участии и опубликованных под чужими именами (В.Н. Волошинов, П.Н. Медведев и др.) в 1920-е годы. Выдвигается предположение, что Бахтин осуществлял таким способом интеллектуальный эксперимент – теоретически разрабатывал «целинные» области исторического материализма. Доказывается, что «идеология» означала для Бахтина прежде всего «культуру», «наука об идеологии» – философию культуры, «социология» – историческо-материалистическую методологию. В статье описываются характерные черты трактовки Бахтиным этих понятий с акцентом на понятие «идеология». В заключение дается оценка бахтинской исследовательской методологии.

Ключевые слова: М.М. Бахтин; В.Н. Волошинов; П.Н. Медведев; марксизм; исторический материализм; идеология; наука об идеологии; социология; философия культуры.

Поступила: 02.06.2022

Принята к печати: 03.07.2022

* *Малинкин Александр Николаевич* – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: lo_zio@bk.ru

Malinkin Alexander Nikolaevich – PhD in Philosophy, Leading Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia, e-mail: lo_zio@bk.ru

© Малинкин А.Н., 2023

Malinkin A.N.

The Concept of Ideology in the “Alien” Works by M.M. Bakhtin

Abstract. The article deals with the concept of ideology in the “alien” works of M.M. Bakhtin, i.e. in articles and books written by Bakhtin or with his active participation and published under alien names (V.N. Voloshinov, P.N. Medvedev and others) in the 1920 s. It is suggested that Bakhtin was carrying out an intellectual and research experiment in this way – theoretically developing “virgin” areas of historical materialism. It is proved that “ideology” for Bakhtin primarily meant “culture”, “the science of ideology” – the philosophy of culture, “sociology” – the historical-materialist methodology. The article describes the characteristic features of Bakhtin's interpretation of these concepts with an emphasis on the concept of “ideology”. In conclusion, an assessment of Bakhtin's research methodology is given.

Keywords: M.M. Bakhtin; V.N. Voloshinov; P.N. Medvedev; Marxism; historical materialism; ideology; the science of ideology; sociology; philosophy of culture.

Received : 02.06.2022

Accepted: 03.07.2022

Для цитирования: Малинкин А.Н. Концепция идеологии в «чужих» работах М.М. Бахтина // Вестник культурологии. – 2023. – № 1(104). – С. 45–68. DOI: 10.31249/hoc/2023.01.03

Термин «идеология» – один из самых многозначных. Концепций идеологии великое множество. Мы не претендуем на то, чтобы среди этого множества определить место для концепции идеологии в «чужих» работах М.М. Бахтина (1895–1973)¹. Нашу задачу мы видим в том, чтобы адекватно ее описать и идентифицировать. По словам ее создателя, речь должна идти о марксистской традиции в трактовке идеологии. Но является ли концепция «идеологии» Волошинова-Бахтина действительно «марксистской»? Этот вопрос как раз и выводит к главной проблеме нашей статьи.

«Под маской» или в «полумаске»?

Мы считаем правдоподобным и обоснованным гипотетическое предположение С.Г. Бочарова, что волошиновско-медведевские работы Бахтина [Бахтин, 2000], – а *только в них и продвигается марксистская методология*, – были написаны им в «полумаске». Почему не «под маской» (как, например, формулировал В.Л. Махлин)? Потому что, во-первых, марксизм не был для Бахтина всего лишь приспособительной мимикрией, а марксистская фразеология – только «охранной грамотой», что отношение к марксизму было иное, более серьезное (см. ниже). Во-вторых, потому что границы между собственными работами Бахтина и «чужими», т.е. написанными Бахтиным полностью или частично, имелись, и они определялись теми творческими *заданиями*, которые в них ставил перед собой автор (или руководящий соавтор). «“Чужие”, – пишет Бочаров, – строились по правилам игры, имевшим, между прочим, отношение к теоретическим проблемам авторства и чужого слова, которые всю жизнь он исследовал. Это было реальное конкретно-историческое преломление проблемы чужого слова: под несобственным именем вводился чужой язык и умело надстраивался над собственным теоретическим словом» [Бочаров, 1992, с. 78, 79].

В развитие этой гипотезы Бочарова, мы, в свою очередь, предполагаем, что Бахтин, участвуя в той или иной мере в написании статей и книг под именами людей из круга своих единомышленников, преследовал помимо решения житейских задач (помощи друзьям и, вероятно, заработка для себя), также и духовно-культурные цели. Они, как мы уверены, по большей части и мотивировали Бахтина. Ему необходимо было выразить собственные философские мысли и идеи, которые эволюционировали под влиянием немецкой философии первой четверти XX в. (в ней следует выделить, в первую очередь, – позднего Г. Зиммеля, неокантианцев Марбургской школы Г. Когена, П. Наторпа, Э. Кассирера, феноменологов Э. Гуссерля и М. Шелера). Свидетельство тому – его ранняя работа из рукописного наследия «К философии поступка».

Творческими заданиями в «чужих» работах для Бахтина в «полумаске» были, по нашему мнению, попытки *переосмыслить последние достижения западной философской мысли на почве исторического*

материализма. Сделать это было тем проще, что для мыслящих людей того времени была очевидна, мягко говоря, *недостаточная работанность* в историческом материализме основных теоретических проблем культуры и художественного творчества, в частности литературоведения, искусствознания, языкознания. Это стало для Бахтина своего рода вызовом, а работа в «полумаске» – *смелым интеллектуальным экспериментом*.

Как известно, все 1920-е годы Бахтин много читал, писал, выступал с докладами в узком кругу, но под своим именем опубликовал только небольшую статью «Искусство и ответственность» (1919) и книгу «Проблемы творчества Достоевского» (1925). В качестве автора этих двух работ он и был известен до начала 1960-х годов. Так как во второй половине 1920-х годов в СССР уже не было возможности публиковать что-то немарксистское без риска для карьеры, а то и жизни, приходилось, с одной стороны, прикрываться «маской», а с другой (нельзя же было «подставлять» друзей) – прибегать к марксистскому языку: «базис», «надстройка», «идеология» и т.д.

Как известно, «исторический материализм» в 1920-е годы считался – прежде всего благодаря Н.И. Бухарину – *«марксистской социологией»* (впрочем, Волошинов-Бахтин ссылается на К. Каутского, работа которого «Материалистическое понимание истории» вышла в русском переводе в 1923 г. [Волошинов, 2000 д, с. 41]) [Малинкин, 2020а, с. 157–161, 166–167]. Так что терминология «материалистического воззрения на историю» была языком *социологическим*. Отсюда – переполненность всех «чужих» работ Бахтина терминами «социология», «социологический», «социологизм», отсюда его пафос, направленный против асоциальности фрейдистской методологии². Но точно так же в них можно констатировать и удивительное изобилие терминов «идеология», «идеологический» в различных сочетаниях.

Бочаров задается вопросом, что представляет собой марксизм волошиновско-медведевских текстов, и дает *неоднозначный* ответ. Он констатирует, что «марксистская фразеология» составляет в них «первый и внешний слой текста». По мере углубления к существенному проблемному уровню ее удельный вес снижается, а потом и вовсе сходит на нет. «Собственно бахтинское теоретическое ядро работы», пишет Бочаров, марксистская фразеология «не затрагивает и без большого труда от него отслаивается». Но тут же он делает суще-

ственную оговорку: «Более сложно обстоит дело в этих текстах с *социологической терминологией, образующей здесь слой, не тождественный официально-марксистскому, глубже залегающий и ближе относящийся к проблемному ядру*. Но это отдельная тема» [Бочаров, 1992, с. 76–77] (курсив наш. – А. М.). Выходит, что социология, какой бы она ни была – марксистской, *неомарксистской* или *немарксистской* – все-таки затрагивает теоретическое ядро бахтинских работ.

Возникает вопрос: о какой именно социологии идет речь? Что это за слой, содержащий «социологическую терминологию», но «не тождественный официально-марксистскому»?

Ранее мы показали, что социологическая методология Бахтина, когда он выступал под именами Волошинова и Медведева, «обнаруживает концептуальную и предметно-тематическую близость с феноменологической социологией Макса Шелера» [Малинкин, 2022а]. Заметим, что философскую позицию Шелера с начала 1920-х годов или, во всяком случае, с середины, можно – пусть и с известной натяжкой – охарактеризовать как *неомарксистскую*³. Так что Бахтин, вероятно, сам того не ведая⁴, повторил идейно-эволюционный поворот Шелера. «Перед нами попытка взять из марксизма то необходимое, что Бахтин считал в нем верным. Это прежде всего реализм и онтологизм, противостоящий монологичности гегельянского духа, с одной стороны, и идеализму – с другой. На такой “социологической” (т.е. реально-бытийной) основе он стремится творчески переосмыслить новейшие западные идеи и методы. В работе Волошинова-Бахтина “Слово в жизни и слово в поэзии...”, в книге Медведева-Бахтина “Формальный метод в литературоведении” (1928) речь шла о близком к шелеровскому пониманию “социологии” как дисциплины, призванной изучать бытийно-смысловые и ценностно-значимые структуры реальных жизненных миров, манифестированных в литературе и культуре вообще. В “Марксизме и философии языка” – как мы предполагаем – речь идет о попытке *реалистического и онтологического* переосмысления “философии символических форм” Кассирера» [Малинкин, 2022б].

Развернутое обоснование указанного выше предположения дается в нашей статье: [Малинкин, 2022б]. Существенным аргументом в его пользу мы считаем «Личное дело В.Н. Волошинова» [Волошинов, 2000в]. По всей вероятности, Бахтин смог познакомиться с первым томом «Философии символических форм» Э. Кассирера, посвящен-

ным языку, только в 1928 г., поскольку книга «Марксизм и философия языка» вышла в 1929-м. Косвенное свидетельство – тот факт, что в теоретической части работы «Формальный метод в литературоведении» (1928) представлен *тот же самый лексикон, тот же самый круг понятий (включая «знак» и производные от него), что и в работе «Марксизм и философия языка»* [Пешков, 2000, с. 626–635], однако он концентрируется еще вокруг «идеологии» как объекта, «науки об идеологии» как предмета и «социологии» как метода.

В первых теоретических частях обоих произведений речь идет фактически об одном и том же – о философском обосновании теории культуры с марксистских позиций. Но если в 1928 г. центральным оказывается аморфное и всеобъемлющее понятие «идеология», то в 1929 г. центральным становится понятие «идеологического знака». Последнее отождествляется в первую очередь со словом языка (или языкового высказывания), а язык, оставаясь одновременно особой формой культуры (наряду с мифом, религией, философией, наукой, искусством), возводится Бахтиным по образцу «философии символических форм» Кассирера в универсальную среду (*medium*) межчеловеческого общения и, как следствие, в принцип функционирования человеческого сознания и медиальный стержень всех сфер культуры.

Идеология, наука об идеологии и социология

Какой содержательный смысл вкладывал Бахтин в понятие «идеология»?

1. Первое, что следует констатировать: идеология понималась им *широко* – как антитеза экономическому «базису», т.е. фактически отождествлялась с «надстройкой». Для Бахтина «идеологическое» – это идеальное на уровне общества, противоположное материальному на этом же уровне, т.е. реальному общественному бытию, действительной жизни, которая, согласно марксистскому учению, начинается с общественного производства («базиса»): каков способ производства, таков образ жизни, способ мышления, формы представлений и чувств людей. Понимание идеологии, когда она целиком отождествляется с «надстройкой», было свойственно многим советским марксистам. Правда, не все считали ее единственно верной и наиболее адекватной,

о чем свидетельствует «спор об идеологии», развернувшийся в двух большевистских журналах [Малинкин, 2020 б, с. 142–143].

В книге «Марксизм и философия языка» автор пишет: «В марксистской литературе нет еще законченного и общепризнанного определения специфической действительности идеологических явлений. В большинстве случаев их понимают как явления сознания, т.е. психологистически» [Волошинов, 2000 б, с. 350]. В примечании к первому предложению он отмечает: *«Основоположниками марксизма дано определение места идеологии в единстве социальной жизни: идеология как надстройка, отношение надстройки к базису и т.д. Что же касается до вопросов, связанных с материалом идеологического творчества и с условиями идеологического общения, то эти вопросы, второстепенные для общей теории исторического материализма, не получили конкретного и законченного разрешения»* [там же]. (Курсив наш. – А. М.)

Из этого места в начале книги «Марксизм и философия языка», – единственного, в котором Волошинов-Бахтин напрямую заявляет о своем отношении к принципам марксизма, – видно, что на декларативном уровне он не решается объявлять о своем дерзновенном замысле: начать собственную разработку этих самых якобы «второстепенных для общей теории исторического материализма» вопросов, которые пока «не получили конкретного и законченного разрешения». Вместе с тем жест указания на зияющую пустоту уже сам по себе говорит о многом. Одновременно он подчеркивает наиболее характерное и частое заблуждение в понимании идеологии – отождествление идеологического с сознательным и психологическим. (Правда, факт, что не всякое сознательное тождественно психологическому, здесь остается без внимания.)

2. В «чужих» работах Бахтина мы имеем дело с пониманием идеологии как явления по сути своей *позитивного*. Общим в *концептуальной трактовке* Бахтиным идеологии в 1925–1929 гг. является то, что она для него – не понятие-перевертыш, т.е. не «иллюзорное», не «ложное», не «отчужденное», не «превращенное» сознание. Негативное, основанное на диалектике, понимание идеологии, характерное для бывших младогегельянцев К. Маркса и Ф. Энгельса, возрожденное Г. Лукачем и его последователями-неомарксистами, Бахтин не воспринял и не развивал.

Отсюда – характерные для Бахтина словосочетания «идеологическое развитие», «идеологическое общение», «идеологическое творчество». Они звучат странновато для современного человека, привыкшего встречать понятие идеологии в политическом и политологическом контекстах. Например, высказывание в жизни, пишет Волошинов-Бахтин, «...всегда связывает между собой участников ситуации как *соучастников*, одинаково знающих, понимающих и оценивающих эту ситуацию. *Высказывание, следовательно, опирается на их реальную, материальную принадлежность одному и тому же куску бытия, давая этой материальной общности идеологическое выражение и дальнейшее идеологическое развитие*» [Волошинов, 2000 а, с. 78]. Для Бахтина то, что мы называем «реальной социологией» – и чем на самом деле был «исторический материализм», – пережитки натурализма и позитивизма, столь же неприемлемые, как психологизм и идеализм.

«Случилось то, – писал он, – что некоторые марксисты вместе с заимствованными основами поэтики усвоили пережитки дурного натурализма и позитивизма, ложные представления о художественных явлениях как о каких-то природных, несоциальных явлениях или каких-то отрешенных от социальной действительности самодовлеющих идейных сущностях, – точно идеи могут рождаться вне социального общения. <...> И действительно, если бы художественная структура как таковая была бы внутренне несоциальна, то марксистский социологический метод должен был бы быть ограничен. <...> История литературы представила бы тогда печальное зрелище непрерывной борьбы внутренней природы литературы с навязываемыми ей, чуждыми этой природе, социальными требованиями. Основной темой этой истории была бы уже не борьба между классами, а борьба классов с литературой» [Медведев, 2000 б, с. 214].

Идеология, согласно Бахтину, «отражает» реальность, хотя и «преломляет» ее в знаке. Представления об идеологии, изложенные в «Формальном методе в литературоведении», трансформируются в *семиологические* в «Марксизме и философии языка»: предмет «марксистской философии языка» составляет угол преломления в отражении знаком социальной реальности. «Все идеологическое обладает значением: оно представляет, изображает, замещает нечто вне его находящееся, т.е. является *знаком*, – пишет он. – *Где нет знака – там нет и идеологии*. <...> Область идеологии совпадает с областью зна-

ков. Между ними можно поставить знак равенства. Где знак – там и идеология. *Всему идеологическому принадлежит знаковое значение.* <...> Его (идеологического. – А. М.) действительное место в бытии, – в особом социальном, человеком созданным, *знаковом материале*. Специфичность его именно в том, что он находится между организованными индивидами, является средою, *medium*’ом их общения. Знак может возникнуть лишь на *междуиндивидуальной территории*, причем эта территория не «природная» ... <...> Индивидуальное сознание не только не может здесь ничего объяснить, но, наоборот, оно само нуждается в объяснении из социальной идеологической среды [Волошинов, 2000б, с. 353, 354, 356].

Такая *культурологическая* трактовка «идеологии» обусловлена тем, что замысел Бахтина изначально был нацелен на «социологию культуры» в ее зиммелевском, а потом шелеровском понимании, т.е. на социально-философское обоснование культуры и художественного творчества как позитивной, жизнеутверждающей деятельности. Она рассматривалась Бахтиным как призванная развивать и совершенствовать духовные потенции человеческой личности, и основывалась, по его мнению, на коллективном соработничестве людей в масштабах всемирной истории. Этим его «социология культуры» отличалась от «социологии реальности», которая, например, в своей ортодоксально-марксистской трактовке предполагала антагонизм и борьбу классов за власть и господство как фундаментальные явления, необходимо опосредующие экономические сдвиги и культурные изменения, а также прямо воздействующие на социокультурную динамику. В контексте «реальной социологии» идеология рассматривается как понятие *политологическое*, т.е. понимается как особая форма политической борьбы посредством введения в заблуждение классового врага и требовала, соответственно, установки на недоверие (подозрение) к любым, исходящим от врага высказываниям, взглядам, доктринам. Необходимость разоблачения классово-враждебной идеологии в борьбе за власть и/или укрепление господства как раз и сформировало преимущественно *негативное* понимание идеологии, указанное нами выше.

Хотя *прямых* негативных трактовок идеологии у Бахтина нет, однако *косвенная* все же встречается, а именно в статье Волошинова-Бахтина «По ту сторону социального» и его книге «Фрейдизм. Крити-

ческий очерк». Но здесь, на наш взгляд, важно проводить различие между, с одной стороны, негативной *концептуальной трактовкой идеологии как таковой*, а с другой – негативным (критическим, скептическим) *отношением автора к конкретному критикуемому им идеологическому течению*. Последнее как раз имело место в случае с *критикой фрейдизма и всей философии жизни*⁵. Впрочем, критика фрейдизма Волошиновым-Бахтиным, с нашей точки зрения, не только вполне корректна, но и точна (чего нельзя сказать о его критике «философии жизни»).

Во-первых, он выражает свое отношение к фрейдистской идеологии через ее *интерпретацию* посредством марксистско-социологического подхода. Так, в частности, он пишет: «Мы имеем в виду сложные отношения врача-психиатра и больного-невротика, этот маленький социальный мирок, с его специфической борьбой, с тенденцией больного скрывать от врача некоторые моменты своей жизни, обманывать его, упорствовать в своих симптомах и пр. и пр. Это маленькое социальное явление очень сложно. Экономический базис, физиологический момент и момент буржуазно-идеологический (моральный и эстетический) – все это определяет конкретное взаимоотношение в его целом. <...> Фрейдовский механизм, в своей первой формации, – *метафорическое, драматизованное и лишь одобренное научными терминами выражение возни врача с истериком, кончающейся практической победой врача*. <...> Но метафора, рожденная в кабинете буржуазного венского врача, оказалась на большой дороге основных идеологических устремлений разлагающейся буржуазии, оказалась удачно рожденной: в свое время и на своем месте. И вот она начинает расти, и на наших глазах разрослась до всеобъемлющего миросозерцания [Волошинов, 2000 д, с. 39, 39–40].

Во-вторых, он подхватывает здесь марксистскую политологическую идею «классового подхода», развитую В.И. Лениным, в свете которой в художественном творчестве, в философии и даже научном познании не может быть никакого «нейтралитета».

«Невозможен научный нейтралитет и социологически, – утверждает Волошинов-Бахтин. – Ведь нельзя доверять даже самой *безукоризненной субъективной искренности* человеческих воззрений. Классовая заинтересованность и предвзятость есть *объективно-социологическая* категория, которая далеко не всегда осознается ин-

дивидуальной психикой. Но именно в этой *классовой* заинтересованности заключена сила всякой теории, всякой мысли. Ведь если мысль сильна, уверенна и значительна, то она, очевидно, сумела задеть какие-то *существенные* стороны жизни данной социальной группы, сумела связать себя с основной позицией этой группы в *классовой борьбе* хотя бы и совершенно бессознательно для самого творца этой мысли. *Сила действенности, значительности мыслей прямо пропорциональна их классовой обоснованности, их оплодотворенности социально-экономическим бытием данной группы.* Вспомним, что словесные реакции являются чисто социальным образованием. Все прочные *константные* (устойчивые) моменты этих реакций суть моменты именно *классового, а не личного* самосознания» [Волошинов, 2000 г, с. 113].

Заметим, что, справедливо критикуя фрейдизм прежде всего за то, что он возводит в высший самовластный принцип бытия человека инстинктивное и бессознательное (*libido*), идущее *изнутри* животных глубин психики, Волошинов-Бахтин как бы не замечает того, что, в свою очередь, и социологическая методология «классового подхода» основана на вере людей в некую *внешнюю* высшую силу (восходящую к гегелевской «хитрости мирового разума»), которая также глубоко скрыта от их сознания и самосознания и при этом якобы творит историю. Если верно, что «...нельзя доверять даже самой *безукоризненной субъективной искренности* человеческих воззрений», то ведь и Фрейд оказывается прав, поскольку утверждал почти то же самое, а вот исходил из противоположных предпосылок и объяснял это совершенно иначе. Но, быть может, напротив, Волошинов-Бахтин все это понимал и поэтому сдерживал себя в разоблачительной критике с раздачей оскорбительных эпитетов и ярлыков представителям классово враждебных идеологий?

У него есть и такие строки: «Компромиссные или замещающие образования образы сна, мифов и художественного творчества, действительно, не могут быть поняты путем поверхностного истолкования их сознанием. *Мотивации сознания, при всей их субъективной искренности, не являются объективным объяснением каких бы то ни было идеологических построений* (признаем сновидения зачаточной формой таких построений)» [Волошинов, 2000 д, с. 41].

Таким образом, даже там, где Бахтин пишет о классах и классовой борьбе, он не выходит за рамки позитивной трактовки самого понятия

«идеологии», хотя в его критике фрейдистской идеологии *implicite* содержится возможность противоположной трактовки. Пример тому – его *аксиология* (а она сущностно связана с любой идеологией): «Имеются более устойчивые и глубокие социальные оценки, определяемые экономическим бытием класса в данную эпоху его существования. В этих оценках как бы формулируются большие исторические задачи целой эпохи в жизни данной социальной группы. Другие оценки связаны с более близкими и краткими явлениями социальной жизни, наконец, со злобою дня, часа, мига. Все эти оценки взаимопроникают друг друга и диалектически связаны. Задача эпохи разветвляется в задачу каждого дня и даже часа. Социальная оценка соединяет минуту эпохи, злобу дня с задачей истории. Она определяет историческую физиономию каждого поступка и каждого высказывания, его индивидуальную, классовую и эпохальную физиономию» [Медведев, 2000б, с. 298–299].

3. Бахтин проводит различие между идеологией как таковой и теоретической рефлексией над ней в форме «марксистской науки об идеологии». «Марксистская наука об идеологическом творчестве», отмечает он, охватывает «основы науковедения, литературоведения, религиоведения, науки о морали и пр.», фактически являясь наукой о культуре. Последняя, в свою очередь, также является идеологией, только более высокого порядка. «Наука об идеологии» изучает особый «мир знаков», который существует «рядом с природными явлениями, предметами техники и продуктами потребления». «Внутри самой области знаков, – продолжает Волошинов-Бахтин, – т.е. внутри идеологической сферы, существуют глубокие различия: ведь сюда входят и художественный образ, и религиозный символ, и научная формула, и правовая норма и т.д. Каждая область идеологического творчества по-своему ориентируется в действительности и по-своему ее преломляет. Каждой области принадлежит своя особая функция в единстве социальной жизни. Но *знаковый характер является общим определением всех идеологических явлений*» [Волошинов, 2000б, с. 354–355].

Собственно, эта идеология второго порядка есть не что иное, как «социология» – а именно «социология знания как часть социологии культуры», в шелеровском понимании [Шелер, 2011, с. 7]. В «Марксизме и философии языка» к этому добавляются мотивы философии

культуры Кассирера и содержащиеся в ней элементы социальной философии. Выдвинутое Бахтиным требование теоретического осмысления идеологии и всех ее возможных форм в «марксистской науке об идеологии» с необходимостью приводит его к материалистическому «заземлению» идеологии в «социологии», т.е., прежде всего, к *соотнесению* – прямо по К. Мангейму [Мангейм, 2022] – всех явлений культуры как «духовных образований» с их реально-бытийными, прежде всего социально-экономическими условиями возникновения, существования, развития, упадка и конца. Таким образом, «материалистический» подход с необходимостью переходит в «исторический» и им дополняется.

4. Это методологическое соотнесение Бахтин распространяет на реально-бытийных *носителей идеологии* – на общества, коллективы и индивидуальные личности. Коллективы – это различные социальные группы людей, образующиеся в процессе общественного производства материальных и духовных благ и воспроизведения самой человеческой жизни в быту. Такое «заземление» открывало Бахтину прямой доступ к конкретным социологическим исследованиям функционирования «идеологических знаков», в том числе социально- и гуманитарно-научным. Заключительные части «Формального метода в литературоведении» и «Марксизма и философии языка», имеющие характер прикладных исследований, убедительно демонстрируют эвристический потенциал бахтинской социологической методологии.

Бахтин никогда не забывает об индивидуальной человеческой личности как носителе идеологии. Усвоив шелеровский феноменологический персонализм и диалогизм путем изучения проблемы восприятия «чужого Я», анализируемой Шелером в третьей части «Сущности и форм симпатии» [Шелер, 2020], он рассматривает личность, с одной стороны, как неотъемлемую часть коллектива и общества, носителя и выразителя коллективных представлений и оценок, с другой – как основную движущую творческую силу культуры, создателя произведений литературы и искусства. Сознание и мышление индивидуальной личности насквозь социально, а потому всегда диалогично, утверждает он, несмотря на традиционные иллюзии и заблуждения психологистического и идеалистического толка. Вот почему оно должно быть объяснено социологически.

В «Проблемах творчества Достоевского» он усматривает причины полифонического принципа организации романов Достоевского в «глубоком персонализме» русского писателя. «Для Достоевского не существует идеи, мысли, положения, которые были бы ничьими – были бы “в себе”. И “истину в себе” он представляет в духе христианской идеологии, как воплощенную в Христе, т.е. представляет ее как личность, вступающую во взаимоотношения с другими личностями. Поэтому не жизнь идеи в одиноком сознании и не взаимоотношения идей, а взаимодействие сознаний в *medium*’е идей (но не только идей) изображал Достоевский. <...> Сознание у Достоевского никогда не довлеет себе, но находится в напряженном отношении к другому сознанию. Каждое переживание, каждая мысль героя внутренне-диалогичны, полемически окрашены, полны противоборства, или, наоборот, открыты чужому наитию, во всяком случае не сосредоточены просто на своем предмете, но сопровождаются вечной оглядкой на другого человека. Можно сказать, что Достоевский в художественной форме дает как бы социологию сознаний, правда, на идеалистической основе, на идеологически чуждом материале и лишь в плоскости сосуществования... Достоевский, как художник, подымается до *объективного* видения жизни сознаний и форм их живого сосуществования и поэтому дает ценный материал и для социолога» [Бахтин, 2000, с. 40–41].

Однако проблема социальной сущности идеологии сложнее и не сводится, согласно Бахтину, только к носителям идеологии и их социальным характеристикам. В «Марксизме и философии языка» он затрагивает тему, получившую в феноменологии название «интерсубъективности». Но, в отличие от Гуссерля и Кассирера, сохранивших преданность трансцендентализму, «материалист» Волошинов-Бахтин пишет о «междуиндивидуальном» – и поэтому *социологическом*, а не психологическом и не идеалистическом – статусе «идеологического знака», в частности, языкового словесного знака. Мы полагаем, что он проникся идеей некой заполненной «идеологическими знаками» «междуиндивидуальной территории», равно удаленной как от субъективных переживаний и мыслей их носителей, так и от физических явлений природы, благодаря знакомству с первым томом «философии символических форм» Кассирера [Волошинов, 2000в, с. 580]. Но стремление целиком и полностью социологизировать все сознательное приводит Бахтина к

отождествлению «интерсубъективности» с совокупностью актуальных в данном социуме «идеологических знаков».

5. Социологический подход Бахтина к интерпретации культуры и ее феноменов (идеологии и ее знаков) вступал в противоречие с традиционным «формальным методом» в искусствознании и литературоведении, поскольку форма культурного феномена рассматривалась в нем как автономная. Подразумевалось, что эстетическая форма и ее выбор художником-творцом, ее конструктивные и структурные особенности не зависят от каких бы то ни было внешних по отношению к культуре социально-исторических факторов, т.е. процессов и событий реальной жизни, что они подчиняются исключительно законам культурного творчества, традиционно сложившимся в той или иной сфере искусства.

Но вся идеология, согласно Волошинову-Бахтину, насквозь пронизывается влиянием факторов внеидеологических, прежде всего социально-экономических, поэтому они определяют не только содержание произведений литературы и искусства, но и саму их форму, внутреннюю структуру, архитеконику. В этом состоит главный тезис Бахтина в критике «формального метода». Отсюда – его радикальный, *тотально-социологический* подход к интерпретации произведений литературы и феноменов культуры вообще. Такой поход, на наш взгляд, граничащий с вульгарным социологизмом, означает для Бахтина более последовательное применение марксистской методологии в области изучения литературы и искусства.

Пример – статья Волошинова-Бахтина «Социологизм без социологии...», посвященная критике методологии П.Н. Сакулина. Последняя квалифицируется как эклектичная, ибо предполагает *метафизический дуализм* содержания и формы. «Коренная ошибка П.Н. Сакулина именно в том и заключается, что социологизм отнюдь не “насквозь пропитывает” его методологию. Осуществление же методологического монизма, серьезно и основательно опирающегося на диалектический материализм, могло и должно было бы заключаться только в этом. Нужно было шире понять сферу применения социологического метода» [Медведев, 2000а, с. 70]. В статье «Слово в жизни и слово в поэзии...», опубликованной через четыре месяца, Волошинов-Бахтин в полной мере раскрывает смысл такого «более широкого понимания»: «...Художественное творчество со *всех сторон открыто*

социальным влияниям других областей жизни. Другие идеологические сферы, особенно социально-политический строй, и, наконец, экономика определяют поэзию *не извне* только, а опираясь на эти внутренние структурные элементы ее» [Волошинов, 2000 а, с. 93].

Говоря в «Формальном методе в литературоведении» о методологии *истории* литературы, Бахтин доводит идею тотального социологизма до диалектического совершенства:

«Каждое литературное явление (как и всякое идеологическое явление) ... определяется одновременно и извне, и изнутри. Изнутри – самой литературой, извне – другими областями социальной жизни. Но, определяясь изнутри, литературное произведение тем самым определяется и извне, ибо определяющая его литература сама в ее целом определяется извне. А определяясь извне, оно тем самым определяется и изнутри, ибо внешние факторы определяют его именно как литературное произведение в его специфичности и в связи со всей литературной ситуацией, а не вне ее. Внутреннее, таким образом, оказывается внешним и обратно. Эта диалектика совсем не так сложна. Только на почве грубых механистических пережитков может держаться то поистине топорное, неподвижно инертное и необратимое различие “внутренних и внешних факторов” развития идеологических явлений, которое довольно часто встречается в марксистских работах о литературе и других идеологиях. При этом еще “внутренний фактор” обычно берется под подозрение как недостаточно лояльный с социологической точки зрения!» [Медведев, 2000 б, с. 211].

Здесь возникает вопрос: не растворяется ли при таком подходе все «идеологическое» (культурное) в «социологическом»? Если в философии культуры для социологизма нет границ, то не превращается ли «диалектика» в умозрительную софистическую игру? Бахтин пытается упредить эти вопросы, но вместо теоретических положений или аргументов не предлагает ничего, кроме уверений: «...Вся эта диалектическая игра факторов совершается в пределах единой социологической закономерности. Ничто в идеологическом творчестве не выходит за пределы этой закономерности: она властвует в каждом уголке, в каждой интимной и внутренней детали идеологического построения. Все в этом процессе непрерывного диалектического взаимодействия сохраняет свое своеобразие. Искусство не перестает быть искусством, наука – наукой. Но и социологическая закономер-

ность при этом не утрачивает своего единства и своей всеопределяющей силы» [Медведев, 2000 б, с. 212].

Очевидно, здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда *тотальное применение* какого-то адекватного методологического принципа начинает вызывать сомнения в его адекватности. Сомнения возникают как с чисто логической стороны (*nihil probat qu nimium probat*), так и с содержательной: нивелируется качественная специфика различных феноменов культуры и культуротворческой деятельности. Сами понятия «идеологическое» и «социологическое», которыми оперирует Бахтин и за которыми на самом деле скрываются *культурное* и *социально-бытийное*, слишком общи и абстрактны, чтобы не провоцировать подобную «диалектику», близкую к софистике. И вот мы видим, как одно понятие фактически редуцируется к другому: «Это содержание психики сплошь идеологично: от смутной мысли и не ясного, неопределившегося желания до философской системы и сложного политического учреждения мы имеем один непрерывный ряд идеологических, а, следовательно, и социологических явлений» [Волошинов, 2000г, с. 111–112].

Теоретически можно допустить, что «социологическая закономерность» *всепроницающая*, поскольку человек – существо социальное, но то, что она имеет «всеопределяющую силу» даже чисто теоретически допустить нельзя. «Искусство не перестает быть искусством, наука – наукой» как раз потому, что они, как и другие формы культуры, сохраняют свой уникальный и автономный принцип душевно-духовного и интеллектуального мироотношения, – принцип, несводимый к социологическому и не выводимый из него. В истории немало примеров того, как в одних и тех же социально-экономических и общественно-политических условиях, в одной и той же социальной среде возникали очень разные, иногда противоположные культурные феномены и течения, взгляды на религию, философию, науку, искусство и смысл человеческого творчества.

Заключение

Концепцию «идеологии» Бахтина нельзя назвать ортодоксально-марксистской (ленинской). Вместе с тем назвать ее немарксистской, а тем более антимарксистской тоже нельзя. На наш взгляд, это скорее

неомарксистская концепция, т.е. такая, которая, элиминируя или затушевывая глубоко укорененную в марксизме ориентацию на революционную политическую практику, переводит марксистские идеи в русло спокойного академического исследования культуры и *предлагает их оригинальную творческую интерпретацию*. С ортодоксально-марксистской точки зрения это квалифицировалось в 1920-е годы как «ревизионизм». Не случайно следователь ГПУ, явно человек образованный, охарактеризовал Бахтина как «марксиста-ревизиониста»⁶.

В 1920-е годы Бахтин был не одинок в своем стремлении восполнить пробелы в историческом материализме, разработав теорию идеологии. Аналогичные попытки предпринимал, например, И. Разумовский⁷ – один из участников «дискуссии об идеологии» 1922–1923 гг. Он считал крайне важным разработку с марксистских позиций проблем новой для того времени дисциплины – *социальной психологии*. Смысл понятия «идеологическое общение» перекликается с тем, который Разумовский вкладывал в понятие «социальная психология». О том, насколько близки в этом отношении взгляды Бахтина и Разумовского, можно судить по следующему фрагменту.

«Марксизм пытается поставить в зависимость от социологии психологию индивида, исходя в изучении ее от *общественной психологии*, – писал Разумовский. – <...> Социология есть прежде всего, в основе своей, методология общественного познания, и не переносить в область социологии должны мы все явления человеческого сознания, но, наоборот, проводить социологический метод, метод исторического материализма в экономии, в психологии и других специальных областях познания. Дело социологии – наметить общие законы развития сознания в связи с другими элементами общества. *Конкретным же изучением идеологических форм сознания должна заняться уже социальная психология, а исходя из нее и вслед за нею и психология индивида, поскольку таким индивидом является идеолог*» [Разумовский, 1923, с. 278]. (Курсив наш. – А. М.)

Смелые интеллектуальные эксперименты не прошли для Бахтина без последствий: 1929 год стал для него временем тяжелых испытаний. В результате он был фактически исключен из публичной жизни на 30 лет. Для Разумовского роковым стал 1937 год. В 1930-е годы марксизм в СССР окончательно оформился в догматическую квазирелигиозную доктрину. Реальная история не знает сослагательного

наклонения, зато история идей и культуры, в частности история философско-социологической мысли, обязана его знать, чтобы учиться на ошибках и сохранять преемственность отечественной культурной традиции. На наш взгляд, «чужие» работы Бахтина и сегодня не утратили актуальности.

Примечания

¹ Говоря о «чужих» работах Бахтина, мы имеем в виду все произведения, опубликованные в книге-сборнике [Бахтин (Под маской), 2000], но прежде всего, это статьи В.Н. Волошинова «По ту сторону социального» (1925) [Волошинов, 2000д] «Слово в жизни и слово в поэзии...» (1926) [Волошинов, 2000а], его книги «Фрейдизм. Критический очерк» (1927) [Волошинов, 2000г], «Марксизм и философия языка» (1929) [Волошинов, 2000б], статья П.Н. Медведева «Социологизм без социологии» (1926) [Медведев, 2000а], книга Медведева «Формальный метод в литературоведении» (1928) [Медведев, 2000б]. Авторы «чужих» работ Бахтина обозначаются в тексте статьи, соответственно, как Волошинов-Бахтин и Медведев-Бахтин.

² Имеются в виду работы «По ту сторону социального» и «Фрейдизм. Критический очерк». Характерно в этом смысле само название статьи «Социологизм без социологии...».

³ «Да, в конечном счете для нас в полной мере сохраняет значимость положение Карла Маркса о том, что именно *бытие* людей (правда, не только их экономическое, “материальное” бытие, как в отличие от нас считает Маркс) является тем, что направляет все их возможное “сознание”, “знание”, определяет границы их понимания и переживания» [Шелер, 2011, с. 8].

⁴ У нас нет сведений о том, что в 1920-е годы Бахтин успел познакомиться с коллективной монографией Кёльнского института социальных наук «Опыты по социологии знания», опубликованной в 1924 г. под редакцией М. Шелера и его книгой «Формы знания и общество» (1926), куда, в том числе, вошла работа «Проблемы социологии знания».

⁵ В двух указанных работах называются Ницше, Шопенгауэр, Джеймс, Бергсон, Зиммель, Гомперц, прагматисты, «Шелер и фено-

менологи», Дриш, Шпенглер, «среди русских – Степун, Франк, отчасти Лосский» [Волошинов, 2000г, с. 95–113; Волошинов, 2000д, с. 19].

⁶ Бахтин был арестован по делу о «подпольной контрреволюционной организации правой интеллигенции» в Ленинграде 24 декабря 1928 г. Ему инкриминировалось участие в религиозно-философском кружке А.А. Мейера «Воскресение». В протоколе допроса Бахтина от 26 декабря 1928 г. на вопрос о его политических убеждениях следователь Стромин сделал запись: «*“беспартийный. Маркс. ревизионист. Лоялен к Сов. власти. Религиозен”*. Формулировка “марксист-ревизионист” фигурирует и на других страницах дела...» [Медведев, 1999, с. 85].

⁷ Разумовский, Исаак Петрович (1893–1937) – советский философ права и социальный философ, автор «Курса теории исторического материализма» (1927).

Список литературы

Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений в семи томах. – Москва : Русские словари, 2000. – Т. 2 : Проблемы творчества Достоевского, 1929. Статьи о Л. Толстом, 1929. Записи курса лекций по истории русской литературы, 1922–1927. – С. 5–175.

Бахтин М.М. (Под маской) Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи / сост., текстологическая подг. И.В. Пешкова ; коммент. В.Л. Махлина, И.В. Пешкова. – Москва : Лабиринт, 2000. – 640 с.

Бочаров С.Г. Об одном разговоре и вокруг него // НЛО. – 1992. – № 2. – С. 70–89.

Волошинов В.Н. Слово в жизни и слово в поэзии. К вопросам социологической поэтики // Бахтин М.М. (Под маской) Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи / сост., текстологическая подг. И.В. Пешкова ; коммент. В.Л. Махлина, И.В. Пешкова. – Москва : Лабиринт, 2000а. – С. 72–95.

Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка // Бахтин М.М. (Под маской) Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи / сост., текстологическая подг. И.В. Пешкова ; коммент. В.Л. Махлина, И.В. Пешкова. – Москва : Лабиринт, 2000б. – С. 350–486.

Волошинов В.Н. Из «Личного дела В.Н. Волошинова» // Бахтин М.М. (Под маской) Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи / сост., текстологическая подг. И.В. Пешкова ; коммент. В.Л. Махлина, И.В. Пешкова. – Москва : Лабиринт, 2000в. – С. 573–588.

Волошинов В.Н. Фрейдизм. Критический очерк // Бахтин М.М. (Под маской) Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка.

Статьи / сост., текстологическая подг. И.В. Пешкова ; коммент. В.Л. Махлина, И.В. Пешкова. – Москва : Лабиринт, 2000г. – С. 95–194.

Волошинов В.Н. По ту сторону социального // *Бахтин М.М.* (Под маской) Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи / сост., текстологическая подг. И.В. Пешкова ; коммент. В.Л. Махлина, И.В. Пешкова. – Москва : Лабиринт, 2000д. – С. 18–45.

Малинкин А.Н. Социология и философия: нераздельны и неслиянны. Рождение марксистской социологии из духа большевизма. Ч. 1 // Социологический журнал. 2020а. – Т. 26, № 3. – С. 148–171. – DOI: 10.19181/socjour. 2020.26.3.7399

Малинкин А.Н. Социология и философия: нераздельны и неслиянны. Рождение марксистской социологии из духа большевизма. Ч. 2 // Социологический журнал. – 2020 б. – Т. 26, № 4. – С. 137–169. – DOI: 10.19181/socjour. 2020.26.4.7647

Малинкин А.Н. Феноменологическая энтимема в марксистской социологии искусства В.Н. Волошинова. (На примере статьи «Слово в жизни и слово в поэзии...») // Социологический журнал. – 2022 а. – Т. 28, № 1. – С. 143–170. – DOI: 10.19181/socjour. 2021.27.4.8641

Малинкин А.Н. Социологический метод В.Н. Волошинова (М.М. Бахтина). (На примере книги «Марксизм и философия языка») // Социологический журнал. – 2022 б. – Т. 30, № 3. – С. 25–41.

Мангейм К. Идеологическая и социологическая интерпретации духовных образований : пер. с нем. / коммент. А.Н. Малинкина // Звучащие смыслы: диалог с миром. Культурологический альманах / отв. ред. и сост. С.Я. Левит. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2022. – С. 694–717.

Медведев П.Н. Социологизм без социологии (О методологических работах П.Н. Сакулина) // *Бахтин М.М.* (Под маской) Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи / сост., текстологическая подг. И.В. Пешкова ; коммент. В.Л. Махлина, И.В. Пешкова. – Москва : Лабиринт, 2000а. – С. 66–71.

Медведев П.Н. Формальный метод в литературоведении // *Бахтин М.М.* (Под маской) Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи / сост., текстологическая подг. И.В. Пешкова ; коммент. В.Л. Махлина, И.В. Пешкова. – Москва : Лабиринт, 2000б. – С. 186–349.

Медведев Ю.П. «Воскресение». К истории религиозно-философского кружка А.А. Мейера // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 1999. – № 4. – С. 82–90.

Пешков И.В. «Делу» – венец, или еще раз об авторстве М. Бахтина в «спорных текстах» // *Бахтин М.М.* (Под маской) Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи / сост., текстологическая подг. И.В. Пешкова ; коммент. В.Л. Махлина, И.В. Пешкова. – Москва : Лабиринт, 2000. – С. 602–635.

Разумовский И. Наши «Замвирдплекхановы» (К дискуссии об идеологиях) // Под знаменем марксизма. – 1923. – № 11/12. – С. 277–281.

Шелер М. Проблемы социологии знания / пер. с нем. А.Н. Малинкина. – Москва : Институт общегуманитарных исследований, 2011. – 320 с. – (Книга света).

Шелер М. О чужом Я. Опыт эйдологии, теории познания и метафизики опытного познания и реального полагания чужого Я и живых существ // *Макс Шелер.* О сущно-

сти философии. Работы разных лет / пер. с нем. А.Н. Малинкина. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2020. – С. 195–254. – (Книга света).

References

Bakhtin, M.M. Problemy tvorchestva Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's creativity]. In Bahtin M.M. *Sobranie sochinenij v semi tomah. T. 2 : «Problemy tvorchestva Dostoevskogo»*, 1929; *Stat'i o L. Tolstom*, 1929; *Zapisi kursa lekcij po istorii russkoj literatury, 1922–1927*. [Collected works in seven volumes. Vol. 2: “Problems of Dostoevsky's creativity”, 1929; Articles about L. Tolstoy, 1929; Recordings of a course of lectures on the history of Russian literature, 1922–1927]. Moscow, Russkie slovari Publ., 2000, pp. 5–175. (In Russ.)

Bakhtin, M.M. (*Pod maskoj*) *Frejdzizm. Formal'nyj metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiya yazyka. Stat'i / sost., tekstologicheskaya podg. I.V. Peshkova; komment. V.L. Makhlin, I.V. Peshkov* [(Under the mask) Freudianism. Formal Method in Literary Criticism. Marxism and the Philosophy of Language. Articles.] Comp., ed. by I.V. Peshkov; Comment. by V.L. Makhlin, I.V. Peshkov. Moscow, Labirint Publ., 2000. 640 p. (In Russ.)

Bocharov, S.G. Ob odnom razgove i vokrug nego [About one conversation and around it]. In *NLO*, no. 2, 1992, pp. 70–89. (In Russ.)

Malinkin, A.N. Sociologiya i filosofiya: nerazdel'ny i neslianny. Rozhdenie marksistskoj sociologii iz duha bol'shevizma. Chast' 1 [Sociology and Philosophy: Inseparable and Non-Merged. The Birth of Marxist Sociology from the Spirit of Bolshevism. Part 1]. In *Sotsiologicheskij Zhurnal*. Vol. 26, no. 3, 2020 a, pp. 148–171. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.3.7399. (In Russ.)

Malinkin, A.N. Sociologiya i filosofiya: nerazdel'ny i neslianny. Rozhdenie marksistskoj sociologii iz duha bol'shevizma. Chast' 1 [Sociology and Philosophy: Inseparable and Non-Merged. The Birth of Marxist Sociology from the Spirit of Bolshevism. Part 2]. In *Sotsiologicheskij Zhurnal*. Vol. 26, no. 4, 2020 b, pp. 137–169. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.4.7647. (In Russ.)

Malinkin, A.N. Fenomenologicheskaya entimema v marksistskoj sociologii iskusstva V.N. Voloshinova. (Na primere stat'i «Slovo v zhizni i slovo v poezii...») [Phenomenological Enthymeme in V.N. Voloshinov's Marxist Sociology of Poetics. Using the Example of an Article titled “Word in Life and Word in Poetry...”]. In *Sotsiologicheskij Zhurnal*. Vol. 28, no. 1, 2022 a, pp. 143–170. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.1.8842. (In Russ.)

Malinkin, A.N. Sociologicheskij metod V.N. Voloshinova (M.M. Bahtina). (Na primere knigi «Marksizm i filosofiya yazyka») [Sociological Method by Voloshinov-Bakhtin in the Science of Language (on the example of the book “Marxism and the Philosophy of Language”)]. In *Sotsiologicheskij Zhurnal*. Vol. 30, no. 3, 2022 b, pp. 25–41. (In Russ.)

Mannheim, K. Ideologicheskaya i sociologicheskaya interpretacii duhovnyh obrazovanij / per. s nem., komment. A.N. Malinkina [Ideological and sociological interpretation of spiritual formations]. In *Zvuchashchiye smysly: dialog s mirom. Kul'turologicheskij al'manakh* [Sounding Meanings: Dialogue with the World. Cultural almanach]. Otv. red. isost. S. YA. Levit. Moscow ; Saint Petersburg, Centr gumanitarnyh iniciativ Publ., 2022, pp. 694–717. (In Russ.)

Medvedev, P.N. Sociologizm bez sociologii (O metodologicheskikh rabotah P.N. Sakulina) [Sociologism without Sociology (On the Methodological Works of P.N. Sakulin)]. In Bakhtin M.M. (Under the mask). *Freidizm. Formal'nyi metod v literaturovedenii. Marksizm I filosofiya yazyka. Stat'i*. [Freudianism. Formal Method in Literary Criticism. Marxism and the Philosophy of Language. Articles.] Comp., ed. by I.V. Peshkov; Comment. by V.L. Makhlin, I.V. Peshkov. Moscow, Labirint Publ., 2000 a, pp. 66–71. (In Russ.)

Medvedev, P.N. Formal'nyj metod v literaturovedenii [Formal method in literary criticism]. In Bakhtin M.M. (Under the mask). *Freidizm. Formal'nyimethod v literaturovedenii. Marksizm I filosofiya yazyka. Stat'i*. [Freudianism. Formal Method in Literary Criticism. Marxism and the Philosophy of Language. Articles.] Comp., ed. by I.V. Peshkov; Comment. by V.L. Makhlin, I.V. Peshkov. Moscow, Labirint Publ., 2000 b, pp. 186–349. (In Russ.)

Medvedev, Yu.P. «Voskresenie». K istorii religiozno-filosofskogo kruzhka A.A. Mejera [“Resurrection”. On the History of the Religious and Philosophical Circle of A.A. Meyer]. In *Dialog. Karnaval. Khronotop*, no. 4, 1999, pp. 82–90. (In Russ.)

Peshkov, I.V. «Delu» – venec, ili eshche raz ob avtorstve M. Bahtina v «spornyh tekstah» [“The end crowns the work”, or Once again about the authorship of M. Bakhtin in “controversial texts”]. In Bakhtin M.M. (Under the mask). *Freidizm. Formal'nyi metod v literaturovedenii. Marksizm I filosofiya yazyka. Stat'i*. [Freudianism. Formal Method in Literary Criticism. Marxism and the Philosophy of Language. Articles.] Comp., ed. by I.V. Peshkov; Comment. by V.L. Makhlin, I.V. Peshkov. Moscow, Labirint Publ., 2000, pp. 602–635. (In Russ.)

Razumovskii, I. Nashi «Zamvridplekhanovy» (K diskussii ob ideologiyah) [Our “Zamvridplekhanovs” (On the Discussion of Ideologies)]. In *Pod znamenem marksizma*, no. 11–12, 1923, pp. 277–281. (In Russ.)

Scheler, M. *Problemy sotsiologii znaniya* [Problems of the Sociology of Knowledge]. Transl. from Germ., comment., afterword by A.N. Malinkin. Moscow, Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., 2011. 320 p. (In Russ.)

Scheler, M. O chuzhom Ya. Opyt ejdogologii, teorii poznaniya i metafiziki opytnogo poznaniya i real'nogo polaganiya chuzhogo Ya i zhivyyh sushchestv [About the Alien Self. Experience of Eidology, Theory of Knowledge and Metaphysics of Experimental Cognition and Real Positioning of the Alien Self and Living Beings]. In *O sushchnosti filosofii. Raboty raznykh let* [On the Essence of Philosophy. Works of Different Years]. Transl. from Germ. by A.N. Malinkin. Moscow ; Saint Petersburg, Tsentr gumanitarnykh iniciativ Publ., 2020, pp. 195–254. (In Russ.)

Voloshinov, V. Slovo v zhizni i slovo v poezii. K voprosam sociologicheskoy poetiki [The Word in Life and the Word in Poetry. To questions of sociological poetics]. In Bakhtin M.M. (Under the mask). *Freidizm. Formal'nyi metod v literaturovedenii. Marksizm I filosofiya yazyka. Stat'i*. [Freudianism. Formal Method in Literary Criticism. Marxism and the Philosophy of Language. Articles.] Comp., ed. by I.V. Peshkov; Comment. by V.L. Makhlin, I.V. Peshkov. Moscow, Labirint Publ., 2000 a, pp. 72–95. (In Russ.)

Voloshinov V.N. Marksizm i filosofiya yazyka [Marxism and the Philosophy of Language: the Main Problems of the Sociological Method in the Science of Language]. In Bakhtin M.M. (Under the mask). *Freidizm. Formal'nyi metod v literaturovedenii. Marksizm I filosofiya yazyka. Stat'i*. [Freudianism. Formal Method in Literary Criticism. Marxism and

the Philosophy of Language. Articles.] Comp., ed. by I.V. Peshkov; Comment. by V.L. Makhlin, I.V. Peshkov. Moscow, Labirint Publ., 2000 b, pp. 350–486. (In Russ.)

Voloshinov, V.N. Iz «Lichnogo dela V.N. Voloshinova» [From the personal file of V.N. Voloshinov]. In Bakhtin M.M. (Under the mask). *Freidizm. Formal'nyi metod v literaturovedenii. Marksizm I filosofiya yazyka. Stat'i*. [Freudianism. Formal Method in Literary Criticism. Marxism and the Philosophy of Language. Articles]. Comp., ed. by I.V. Peshkov; Comment. by V.L. Makhlin, I.V. Peshkov. Moscow, Labirint Publ., 2000 c, pp. 573–588. (In Russ.)

Voloshinov, V.N. Frejdizm. Kriticheskij ocherk [Freudianism. Critical Essay]. In Bakhtin M.M. (Under the mask). *Freidizm. Formal'nyi metod v literaturovedenii. Marksizm I filosofiya yazyka. Stat'i*. [Freudianism. Formal Method in Literary Criticism. Marxism and the Philosophy of Language. Articles]. Comp., ed. by I.V. Peshkov; Comment. by V.L. Makhlin, I.V. Peshkov. Moscow, Labirint Publ., 2000 d, pp. 95–194. (In Russ.)

Voloshinov, V.N. Po tu storonu social'nogo [Beyond the social]. In Bakhtin M.M. (Under the mask). *Freidizm. Formal'nyi metod v literaturovedenii. Marksizm I filosofiya yazyka. Stat'i*. [Freudianism. Formal Method in Literary Criticism. Marxism and the Philosophy of Language. Articles.] Comp., ed. by I.V. Peshkov; Comment. by V.L. Makhlin, I.V. Peshkov. Moscow, Labirint Publ., 2000 e, pp. 18–45. (In Russ.)